

П. И. Чувахин

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
г. Москва, Российская Федерация

Трансформация правотворческой функции международных организаций

Резюме. Статья представляет собой комплексный анализ трансформации правотворческой функции международных организаций, выявляет диалектику соотношения формальной легитимности и фактической эффективности их актов. Доказано, что эволюция теоретических подходов к правотворчеству международных организаций прошла путь от договорной аналогии через теорию делегирования к концепции международного законодательства. Установлено, что в современных реалиях формальная юридическая сила актов международных организаций не всегда определяет их фактическую эффективность: инструменты «мягкого» права нередко демонстрируют высокую степень влияния на поведение субъектов международного права. Исследование, основанное на комплексе общенаучных и специально-юридических методов, анализирует правотворческую деятельность ключевых международных организаций (ООН, ВОЗ, МОТ, ИКАО, ОЭСР) и проблему юридической действительности их актов. Особое внимание уделяется доктрине *ultra vires* и механизмам обеспечения эффективности актов рекомендательного характера. Выявлены современные тенденции в правотворческой деятельности международных организаций: диверсификация форм нормотворчества, усиление технократических элементов, взаимопроникновение нормативных режимов, возрастание роли региональных организаций и негосударственных акторов, деформализация правотворческих процедур и повышенное внимание к вопросам легитимности. Сформулирован вывод о необходимости поиска баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества в условиях глобальных вызовов и фрагментации международного права.

Ключевые слова: международные организации; правотворческая деятельность; юридическая сила; легитимность; эффективность; мягкое право; фрагментация международного права; глобальное управление; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН; акты *ultra vires*

Для цитирования: Чувахин П. И. Трансформация правотворческой функции международных организаций. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 7. С. 138–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.138-152

Transformation of the Law-Making Function of International Organizations

Petr I. Chuvakhin

MGIMO University
Lebedev Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper presents a comprehensive analysis of the transformation of the law-making function of international organizations, reveals the dialectic of the relationship between formal legitimacy and the actual effectiveness of their acts. It is proved that the evolution of theoretical approaches to the law-making of

international organizations has gone from a contractual analogy through the theory of delegation to the concept of international legislation. It has been established that in modern conditions, the formal legal force of acts of international organizations does not always determine their actual effectiveness, namely the instruments of «soft» law often demonstrate a high degree of influence on the behavior of subjects of international law. The study, based on a set of general scientific and special legal methods, analyzes the law-making activities of key international organizations (UN, WHO, ILO, ICAO, OECD) and the problem of the legal validity of their acts. Special attention is given to the ultra vires doctrine and mechanisms for ensuring the effectiveness of advisory acts. Modern trends in the law-making activities of international organizations have been identified: the diversification of forms of rulemaking, the strengthening of technocratic elements, the interpenetration of regulatory regimes, the increasing role of regional organizations and non-state actors, the deformation of law-making procedures and increased attention to issues of legitimacy. The author concludes that it is necessary to find a balance between the effectiveness, legitimacy and flexibility of international rulemaking in the context of global challenges and fragmentation of international law.

Keywords: international organizations; law-making; legal force; legitimacy; effectiveness; soft law; fragmentation of international law; global governance; UN General Assembly resolutions; ultra vires acts

Cite as: Chuvakhin PI. Transformation of the Law-Making Function of International Organizations. *Lex russica*. 2026;79(7):138-152. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.236.7.138-152

Введение

Трансформация правотворческой функции международных организаций — одна из наиболее значимых и динамичных тенденций развития современного международного права. Усложнение системы международных отношений, возникновение новых глобальных вызовов, требующих скоординированного и оперативного реагирования международного сообщества, а также процессы фрагментации международного права приводят к необходимости переосмысления теоретических и практических аспектов правотворческой деятельности международных организаций.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью международных организаций в формировании международно-правовых норм и стандартов, появлением новых форм и методов международного нормотворчества, а также усилением напряженности между требованиями эффективности международно-правового регулирования и принципами суверенного равенства государств, лежащими в основе классического международного права.

Проблема соотношения формальной легитимности и фактической эффективности актов международных организаций приобретает особую значимость в обстановке фрагментации международного права, когда множественные нормативные режимы, создаваемые различными международными организациями, вступают во взаимодействие, а нередко и в конкуренцию друг с другом.

Изученность проблемы правотворческой деятельности международных организаций характеризуется внушительным массивом научных публикаций. В отечественной науке международного права существенный вклад в разработку различных аспектов данной проблематики внесли Г. И. Тункин, Д. Б. Левин, Н. Б. Крылов, Г. Г. Шинкареца, А. Я. Капустин, А. Х. Абашидзе, М. В. Кешнер. Среди зарубежных исследований важными являются работы Я. Клабберса, Х. Г. Шермерса и Н. М. Блокера, Дж. Альвареса, Г. М. Даниленко, И. Деттера. Огромный интерес представляют концептуальные труды П. Аласуутари и А. Кадира, посвященные феномену эпистемической власти международных организаций, а также А. Чейза и А. Х. Чейз — о соотношении формальной и фактической эффективности международно-правовых норм.

Несмотря на обилие научного материала, раскрывающего различные стороны правотворческой деятельности международных организаций, комплексному анализу трансформации их правотворческой функции, особенно в контексте соотношения формальной легитимности и фактической эффективности принимаемых актов, в научной литературе уделено недостаточно внимания.

Цель настоящего исследования — выявление ключевых тенденций трансформации правотворческой функции международных организаций и определение соотношения между формальной легитимностью и фактической эффективностью их актов в условиях фрагментации международного права.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Из общенаучных первостепенное значение имеют диалектический, системно-структурный и функциональный методы, позволяющие рассмотреть правотворческую деятельность международных организаций как сложное, динамически развивающееся явление. Среди специально-юридических ведущую роль играют формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы, обеспечивающие всесторонний анализ развития теоретических концепций правотворчества международных организаций и эволюции их практической деятельности в данной сфере.

Теоретико-правовые основы правотворческой деятельности международных организаций

Правотворческая деятельность международных организаций — один из наиболее сложных и дискуссионных аспектов современного международного права. Концептуальный анализ этого феномена требует прежде всего определения сущности международной организации как субъекта международного правотворчества. Как справедливо отмечается в доктрине, само существование международных организаций основано на идее о том, что эти субъекты международного права способны осуществлять определенные действия на международной арене. Создание организации с самостоятельной международной правосубъектностью имеет смысл, только если указанный субъект будет впоследствии выполнять конкретные функции и задачи, а для их осуществления международная организация должна обладать возможностью принимать или создавать правовые инструменты¹.

В современной доктрине сформировались три главные теоретические концепции, объясняющие правотворческую деятельность международных организаций: договорная аналогия, теория делегирования и теория законодательства. Каждая из них представляет собой специфический подход к пониманию юридической природы и силы актов международных органи-

заций, а также раскрывает различные аспекты их правотворческой функции.

Договорная аналогия как теоретическая конструкция берет свое начало в решении Постоянной палаты международного правосудия по делу о железнодорожном сообщении между Литвой и Польшей 1931 г. Рассматривая вопрос о юридической силе резолюции Совета Лиги Наций, Суд сделал вывод, что обе стороны связаны условиями данного акта, и объяснил это тем, что представители государств «участвовали в принятии» резолюции и были «связаны своим принятием». Таким образом, Суд концептуализировал решения международных органов, принимаемые единогласно, как своеобразные аналоги международных договоров, выражающие согласованную волю участвующих государств. При этом участие государства в обсуждении и неиспользование права вето воспринимаются как выражение его согласия на обязательность принятого акта аналогично тому, как это происходит при подписании или ратификации международного договора². Однако подобная теоретическая конструкция справедливо подвергается критике в современной доктрине международного права. Основным недостатком договорной аналогии заключается в том, что она не способна объяснить обязательный характер решений, принимаемых большинством голосов. В таких случаях невозможно утверждать, что все государства-члены согласились быть связанными соответствующим решением. Более того, договорная аналогия, редуцируя акты международных организаций до уровня международных договоров, фактически отрицает самостоятельную правосубъектность организации: если нет принципиальной разницы между международным договором и актом международной организации, то утрачивается смысл существования международной организации как обособленного субъекта международного права³.

Наиболее распространена в современной доктрине международного права теория делегирования, объясняющая обязательную силу актов международных организаций через призму делегирования государствами-членами определенных правотворческих полномочий соответствующей организации. В рамках дан-

¹ *Klabbers J.* International Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 45.

² См.: *Klabbers J.* An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 136.

³ *Danilenko G. M.* Law-Making in the International Community. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1994. P. 168.

ной теоретической модели утверждается, что государства-члены, соглашаясь быть связанными учредительным актом организации, делегируют ей некоторые нормотворческие полномочия. Теоретическое обоснование этой концепции находит свое подтверждение в конституционном праве ряда государств, где прямо предусматривается возможность делегирования полномочий международным организациям. Показательный пример — статья 92 Конституции Нидерландов, которая гласит, что законодательные, административные и судебные полномочия могут быть делегированы или переданы международным организациям⁴.

Третья концептуальная модель — теория международного законодательства — наиболее радикальный подход к объяснению правотворческой деятельности международных организаций, исходя из которого некоторые акты международных организаций могут рассматриваться как своеобразное международное законодательство, а согласие отдельных государств не всегда должно иметь решающее значение, если речь идет об общих интересах международного сообщества. Указанная теория, несмотря на ее критическое восприятие в традиционной доктрине международного права, наиболее часто применяется для объяснения юридической силы рекомендательных актов, в частности резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. В радикальных интерпретациях данной теории Генеральная Ассамблея сравнивается с международным парламентом, уполномоченным принимать обязательные нормы права большинством голосов⁵.

Функционалистская теория, как справедливо отмечает Х. Г. Шермерс, уделяет значительное внимание правотворчеству международных организаций, поскольку для эффективного выполнения возложенных на организацию функций ей иногда необходимо иметь возможность создавать право. Если государства наделяют свою организацию определенной функцией, они должны также позволить ей издавать предписания о том, как лучше выполнять эту функцию. Следовательно, нормотворчество

(или установление стандартов) стало одним из основных элементов функционалистской концепции международных организаций⁶.

Однако, как показывает практика, функционалистская логика никогда не реализуется в полной мере: государства стремятся сохранить собственное политическое пространство и обычно весьма неохотно передают правотворческие полномочия международным организациям. В результате относительно немногие организации обладают действительно значимыми правотворческими полномочиями, хотя многие из них в той или иной форме занимаются установлением стандартов и разработкой нормативных документов рекомендательного характера⁷.

Типология и юридическая природа актов международных организаций

Правовые акты международных организаций характеризуются значительным многообразием форм, содержания и юридической силы. Целесообразно классифицировать акты международных организаций в зависимости от предназначения и нормативного содержания на несколько основных категорий, отражающих их функциональную специфику и юридические характеристики.

Первую категорию составляют акты нормативного характера, направленные на закрепление общих правил поведения, обязательных для всех членов соответствующей организации. Они носят правотворческий характер в строгом смысле этого термина, устанавливая абстрактные нормы общего применения. Классический пример таких актов — регламенты Европейского Союза, которые, согласно ст. 288 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), имеют общее действие, являются обязательными в полном объеме и подлежат прямому применению во всех государствах-членах. Юридическая сила таких актов проистекает непосредственно из учредительных договоров организации, наделяющих

⁴ Van Hoof G. J. H. *Rethinking the Sources of International Law*. Deventer : Kluwer Law International, 1983. P. 267.

⁵ Elias T. O. *Modern Sources of International Law // Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup* / ed. by W. Friedmann [et al.]. New York : Columbia University Press, 1972. P. 42.

⁶ Schermers H. G., Blokker N. M. *International Institutional Law*. 6th ed. Leiden : Brill Nijhoff, 2018. P. 874.

⁷ См.: Alvarez J. E. *International Organizations as Law-makers*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 375.

соответствующие органы нормотворческими полномочиями⁸.

Вторую категорию образуют акты правоприменительного характера, которые по своей природе ближе к административным актам, применяющим право к конкретным фактическим ситуациям. К этой категории можно отнести, например, решения в праве ЕС, а также отчасти резолюции Совета Безопасности ООН, принимаемые в рамках гл. VII Устава ООН. Как отмечает И. Деттер, первоначальная концепция Совета Безопасности предполагала его функционирование не столько как правотворческого органа, сколько как органа, задачей которого является применение права⁹. Однако, как будет показано далее, практика деятельности Совета Безопасности демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию его полномочий, в том числе в сфере международного нормотворчества.

Третья категория представлена актами внутриорганизационного (институционального) характера, регулирующими внутреннее функционирование международной организации, и включает решения по таким вопросам, как утверждение и распределение бюджета, избрание или назначение должностных лиц, прием новых членов, установление правил процедуры и т.д. По своей юридической природе такие акты обычно имеют обязательный характер, что обусловлено самой сущностью институциональных отношений в рамках международной организации¹⁰.

Четвертая категория охватывает акты рекомендательного характера, которые оказывают влияние на поведение субъектов международного права, не создавая, однако, юридически обязательных норм. Сюда относятся рекомендации, декларации, руководящие принципы, модельные законы и другие подобные инструменты. Несмотря на формально необязательный характер, эти акты могут существенно воз-

действовать на формирование международной практики и развитие международного права. Как отмечают П. Аласуутари и А. Кадир, авторитет таких актов часто проистекает не из формального правового статуса, а из того, что они основаны на экспертных знаниях, реализуя так называемую эпистемическую власть международных организаций¹¹.

Принципиальное значение для понимания юридической природы актов международных организаций имеет концепция «мягкого» права (soft law), активно развивающаяся в современной доктрине международного права. Данная концепция позволяет преодолеть жесткую дихотомию «обязательное/необязательное» при анализе юридических последствий актов международных организаций. Акты «мягкого» права, не будучи юридически обязательными в строгом смысле этого термина, тем не менее порождают определенные правовые последствия и оказывают нормативное воздействие на поведение субъектов международного права¹².

А. Й. П. Таммес весьма точно охарактеризовал феномен необязательных инструментов международных организаций, в частности резолюций, как прагматичный ответ на фундаментальную дилемму международного институционального правотворчества: если все формальные решения должны приниматься единогласно, то деятельность организации фактически парализуется; с другой стороны, принятие решений большинством голосов может оттолкнуть государства, опасющиеся ущемления своих суверенных прав. В этих условиях рекомендательные акты представляют собой своеобразный компромисс, позволяющий принимать решения мажоритарным способом, не создавая при этом формальных юридических обязательств для государств-членов¹³.

В контексте анализа юридической природы актов международных организаций особого внимания заслуживает вопрос о соотношении

⁸ См.: Международное право. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 43.

⁹ Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm : Norstedt and Söner, 1965. P. 521.

¹⁰ См.: Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права : монография. М. : Зерцало-М, 2016. С. 138.

¹¹ Alasuutari P., Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York : Palgrave Macmillan, 2019. P. 201.

¹² См.: Велижанина М. Ю. «Мягкое» право: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

¹³ Tamme A. J. P. Decisions of International Organs as a Source of International Law // Recueil des Cours. 1958. Vol. 94. P. 288.

формальной юридической силы акта и его фактической эффективности. Как отмечают А. Чейз и А. Х. Чейз, юридически необязательные инструменты международных организаций могут быть столь же эффективными (или неэффективными), как и юридически обязательные акты. Эмпирические исследования показывают, что эффективность международно-правового регулирования зависит не столько от формального статуса соответствующих норм, сколько от комплекса иных факторов, включая механизмы имплементации, мониторинга и контроля, а также политическую волю государств¹⁴.

Юридическая сила резолюций Генеральной Ассамблеи ООН: теоретические подходы и практические аспекты

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН — один из наиболее сложных и дискуссионных объектов исследования в контексте анализа юридической силы актов международных организаций. Устав ООН не наделяет Генеральную Ассамблею общими нормотворческими полномочиями, ограничивая ее компетенцию в основном принятием рекомендаций (ст. 10–14 Устава ООН). В то же время Ассамблея обладает полномочиями принимать обязательные решения по ряду внутриорганизационных вопросов, таких как прием новых членов (ст. 4), утверждение и распределение бюджета (ст. 17), приостановление прав и привилегий государств-членов (ст. 5 и 19), назначение Генерального секретаря (ст. 97), избрание судей Международного Суда (ст. 8 и 10 Статута МС).

В доктрине международного права сформировались различные теоретические подходы к обоснованию юридической значимости резолюций Генеральной Ассамблеи, выходящей за рамки их формально рекомендательного характера, отражающие стремление доктрины концептуализировать фактическое влияние, которое резолюции Ассамблеи оказывают на формирование и развитие международного права, несмотря на отсутствие у Ассамблеи формальных правотворческих полномочий.

Первый подход основан на концепции «авторитетного толкования», воспринимающей резолюции Генеральной Ассамблеи как авторитетные интерпретации положений Устава ООН и общих принципов международного права. Например, если Ассамблея принимает определение агрессии (как это было сделано в резолюции 3314 (XXIX) от 14.12.1974), это может рассматриваться как авторитетное толкование соответствующего понятия, используемого в Уставе ООН. Исходящее от Ассамблеи как универсального представительного органа, такое толкование обладает более высоким авторитетом, чем интерпретации, предлагаемые отдельными государствами или доктриной¹⁵.

Однако такой подход не лишен недостатков. Прежде всего, Устав ООН не наделяет Генеральную Ассамблею явно выраженными полномочиями давать авторитетные толкования, хотя и не запрещает этого. В отсутствие эксплицитных полномочий большинство исследователей обосновывают интерпретационную функцию Ассамблеи через доктрину подразумеваемых или неотъемлемых полномочий. Кроме того, остается неясным вопрос о юридических последствиях авторитетных толкований для государств, голосовавших против соответствующей резолюции¹⁶.

Второй теоретический подход понимает резолюции Генеральной Ассамблеи как декларативные акты, фиксирующие существующие нормы международного права. Согласно данной концепции, если Ассамблея, например, запрещает применение силы или агрессию, она не создает новую норму, а лишь декларирует уже существующее правило международного права. Однако и этот подход сталкивается с методологическими трудностями, поскольку декларативный акт Ассамблеи по своей юридической природе не отличается принципиально от декларативных актов иных субъектов международного права. Различие состоит в степени авторитетности, а не в юридической природе акта.

Третий подход, получивший наибольшее признание в современной доктрине международного права и международной судебной

¹⁴ Chayes A., Chayes A. H. *The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements*. Cambridge : Harvard University Press, 1995. P. 301.

¹⁵ Van Hoof G. J. H. *Op. cit.* P. 303.

¹⁶ Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов международной конференции ESIL // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 524.

практике, рассматривает резолюции Генеральной Ассамблеи через призму их влияния на формирование норм международного обычного права. Международный Суд ООН в решении по делу о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее (1986) и в консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996) признал, что резолюции Генеральной Ассамблеи могут служить доказательством *opinio juris* — субъективного элемента международного обычая. Особое значение в этом контексте придается резолюциям нормативного содержания, принятым большинством голосов государств — членов ООН¹⁷. Однако и этот подход порождает теоретические дискуссии, в частности о соотношении *opinio juris* и практики государств как элементов международного обычая. В 1960-х гг. Бин Ченг выдвинул концепцию «мгновенного обычая», предполагающую, что в определенных сферах, где практика государств объективно ограничена (например, в космическом праве), формирование обычной нормы может происходить преимущественно на основе *opinio juris*, выраженного в резолюциях Генеральной Ассамблеи, без необходимости длительной и устойчивой практики¹⁸.

Развитием этой идеи стало предложение квалифицировать саму практику государств в рамках Генеральной Ассамблеи (голосование, участие в дебатах) как элемент формирования обычного права. Однако данный подход подвергся обоснованной критике, поскольку практика в рамках Ассамблеи ограничивается, по сути, процедурными аспектами и не затрагивает материальную реализацию соответствующих норм¹⁹.

Четвертый теоретический подход, имеющий более ограниченную сферу применения, концептуализирует резолюции Генеральной Ассамблеи как своеобразные международные соглашения в упрощенной форме для государств, голосовавших за них. Он, по сути, является модификацией договорной аналогии

и сталкивается с теми же методологическими трудностями, что и общая теория договорной аналогии, о которой говорилось выше. В частности, резолюции как «соглашения в упрощенной форме» не могут создавать обязательств для государств, голосовавших против них или воздержавшихся при голосовании.

Наконец, пятый подход основывается на концепции эстоппеля, в русле которой государство, проголосовавшее за определенную резолюцию, впоследствии не может действовать вопреки зафиксированным в ней принципам и нормам. Юридическим обоснованием здесь выступает не обязательная сила самой резолюции, а общий принцип добросовестности и запрет противоречивого поведения (*venire contra factum proprium*)²⁰.

Особый интерес представляет позиция сэра Г. Лаутерпахта, который еще в 1955 г. в своем особом мнении по делу о процедуре голосования по вопросам, касающимся докладов и петиций о территории Юго-Западной Африки, отметил, что резолюции Генеральной Ассамблеи создают для государств — членов ООН обязанность добросовестно рассмотреть их содержание. Г. Лаутерпахт подчеркивал, что это не пустая формальность, а реальное юридическое обязательство²¹.

Правотворческая деятельность специализированных учреждений ООН и других международных организаций

Специализированные учреждения ООН и иные международные организации технического характера играют всё более значимую роль в формировании международных стандартов и правил в соответствующих областях международного сотрудничества. При этом характер и юридическая сила принимаемых ими актов существенно варьируются в зависимости от предоставленных им полномочий и специфики регулируемых отношений.

¹⁷ См.: Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М. : Международные отношения, 1981. С. 63.

¹⁸ Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? // International Law: Teaching and Practice / ed. by B. Cheng. London : Stevens & Sons, 1982. P. 250.

¹⁹ Asamoah O. Y. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague : Martinus Nijhoff, 1966. P. 184.

²⁰ См.: Tammes A. J. P. Op. cit. P. 254.

²¹ Lauterpacht H. Voting Procedure on Questions Relating to Reports and Petitions Concerning the Territory of South-West Africa: separate opinion // ICJ Reports. 1955. P. 118–119.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) на основании ст. 37 Чикагской конвенции 1944 г. уполномочена принимать международные стандарты и рекомендуемую практику, регулирующие различные аспекты международной авионавигации. Хотя формально стандарты ИКАО не являются юридически обязательными, статья 38 Конвенции устанавливает, что государство, которое считает невозможным соблюдение какого-либо международного стандарта, обязано немедленно уведомить об этом ИКАО. Формируется своеобразный механизм «принудительной прозрачности», когда государство, не желающее следовать стандарту, должно публично объяснить свою позицию, что создает определенное политическое и репутационное давление. Как отмечает Т. Бюргенталь, на практике некоторые государства-члены в течение многих лет воздерживались от каких-либо уведомлений о несоблюдении стандартов, создавая неопределенность относительно фактического применения этих стандартов на своей территории²².

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) обладает уникальными нормотворческими полномочиями, предусмотренными статьями 21 и 22 ее Устава. Ассамблея здравоохранения имеет право принимать регламенты по таким вопросам, как санитарные и карантинные требования, номенклатура болезней, стандарты диагностических процедур и т.д. Эти регламенты вступают в силу для всех государств — членов ВОЗ после надлежащего уведомления, если только они не заявят об отказе от них или оговорках в течение установленного срока. Таким образом, регламенты ВОЗ действуют на основе принципа «молчаливого согласия» (*tacit consent*) или механизма «отказа» (*opting-out*), что представляет собой компромисс между традиционным требованием явно выраженного согласия (ратификации) и принятием решений большинством голосов. Наиболее известный пример таких регламентов — Международные медико-санитарные правила, которые играют важнейшую роль в глобальном реагировании на эпидемии и пандемии, включая недавнюю пандемию COVID-19.

Международная организация труда (МОТ) использует особый механизм нормотворчества, основанный на принятии конвенций и рекомендаций. Специфика данного механизма в том, что государства — члены МОТ обязаны представлять принятые конвенции компетентным национальным органам (обычно парламентам) для рассмотрения вопроса об их ратификации и периодически отчитываться о причинах нератификации. При этом создается механизм «давления со стороны коллег» (*peer pressure*), стимулирующий государства к ратификации и имплементации трудовых стандартов, который дополняется требованием минимального количества ратификаций для вступления конвенций в силу и установлением длительных периодов уведомления для денонсации конвенций, что повышает стабильность созданного правового режима²³.

Весьма интересна нормотворческая деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая, не обладая формальными полномочиями по принятию юридически обязательных решений, тем не менее оказывает существенное влияние на формирование международных стандартов в экономической и финансовой сферах. ОЭСР разрабатывает руководящие принципы, модельные соглашения, кодексы поведения и другие инструменты «мягкого» права, которые, несмотря на формально рекомендательный характер, часто имплементируются государствами-членами в их национальное законодательство и применяются национальными судами. Показательный пример — дело *Badger* 1977 г., когда американская компания, планировавшая закрыть свою бельгийскую дочернюю компанию без выплаты предусмотренных бельгийским законодательством компенсаций, изменила свою позицию после того, как Комитет ОЭСР установил, что в соответствии с Руководящими принципами для многонациональных предприятий 1976 г. материнские компании несут «моральную ответственность» за обязательства своих дочерних компаний²⁴.

Совет Безопасности ООН в последние десятилетия демонстрирует тенденцию к расши-

²² *Buergenthal T.* Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York : Syracuse University Press, 1969. P. 167.

²³ См.: *Klabbers J.* Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO // *China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work* / ed. by U. Liukkunen, Y. Chen. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2014. P. 190.

²⁴ См.: *Seidl-Hohenveldern I.* International Economic “Soft Law” // *Recueil des Cours*. 1979. Vol. 163. P. 202.

рению своей нормотворческой функции, принимая резолюции, имеющие характер общих нормативных предписаний, а не только мер реагирования на конкретные ситуации. Наиболее показательными примерами являются резолюции 1373 (2001) и 1540 (2004), которые устанавливают общие обязательства для всех государств — членов ООН в сферах борьбы с терроризмом и нераспространения оружия массового уничтожения соответственно. Эти резолюции, принятые на основании гл. VII Устава ООН, создают новые юридические обязательства для всех государств — членов ООН без их прямого согласия, что дало основание некоторым исследователям говорить о «законодательной» деятельности Совета Безопасности. Однако данная тенденция вызывает обоснованную критику с точки зрения легитимности, поскольку ограниченный состав Совета Безопасности не отражает в полной мере интересы всего международного сообщества²⁵.

Проблема юридической действительности актов международных организаций

Проблема юридической действительности актов международных организаций — один из наиболее сложных и дискуссионных аспектов права международных организаций. В отсутствие централизованной системы контроля за законностью международно-правовых актов вопрос о критериях их действительности и последствиях недействительности приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Э. Лаутерпахт, анализируя типологию правонарушений международных организаций, отмечает, что элемент незаконности акта «включает ссылку на особую природу международных организаций как искусственных юридических лиц, получающих все свои полномочия из конвенционального или уставного источника и обязанных действовать только в пределах и в соответствии с условиями предоставленных

им полномочий». Таким образом, основным критерием юридической действительности актов международных организаций служит их соответствие учредительным документам организации, определяющим объем и пределы ее компетенции²⁶.

Наиболее разработанной доктриной, касающейся юридической действительности актов международных организаций, является доктрина *ultra vires*, согласно которой акты, выходящие за пределы компетенции организации или принятые с нарушением установленных процедур, недействительны. Указанная доктрина основывается на принципе специальной правоспособности международных организаций, в соответствии с которым они могут осуществлять только те действия, которые прямо или косвенно предусмотрены их учредительными документами²⁷.

Практика Международного Суда ООН по вопросам юридической действительности актов международных организаций формировалась прежде всего в рамках консультативных заключений. В заключениях относительно компетенции Международной организации труда Постоянная палата международного правосудия изложила принцип, в силу которого конституционность актов МОТ должна оцениваться в свете целей и задач данной организации. Этот подход был развит и конкретизирован Международным Судом ООН в консультативном заключении по делу «Определенные расходы ООН» 1962 г. Суд установил, что «такие расходы должны проверяться по их связи с целями Организации Объединенных Наций в том смысле, что, если расход был произведен для цели, которая не является одной из целей Организации Объединенных Наций, его нельзя считать «расходом Организации»». Далее Суд сформулировал важнейший принцип оценки действительности актов международных организаций: «когда Организация предпринимает действия, которые оправдывают утверждение, что они были целесообразны для выполнения одной из заявленных целей Организации Объединенных Наций,

²⁵ Кешнер М. В. Комитеты по санкциям Совета Безопасности ООН как институциональный механизм реализации международных санкций // Международное право и международные организации. 2013. № 1 (13). С. 26.

²⁶ Lauterpacht E. The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations // Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair / ed. by D. W. Bowett [et al.]. London : Stevens & Sons, 1965. P. 101.

²⁷ Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1974. С. 54.

предполагается, что такие действия не являются *ultra vires* для Организации»²⁸.

Таким образом, Международный Суд ООН устанавливает презумпцию действительности актов международных организаций, которая может быть опровергнута только в случае явного противоречия акта целям и задачам организации. С учетом обычно широкого и абстрактного характера формулировок целей и задач в учредительных документах большинства международных организаций данная презумпция создает весьма высокий стандарт доказывания для оспаривания действительности актов международных организаций²⁹.

Интересный аспект проблемы юридической действительности актов международных организаций связан с возможностью судебного контроля за такими актами на национальном и региональном уровнях. В этом контексте особый интерес представляет дело Кади (*Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission*), рассмотренное Судом ЕС. В этом деле Суд установил, что, хотя он не вправе непосредственно оценивать законность резолюций Совета Безопасности ООН, он компетентен квалифицировать соответствие акта ЕС, имплементирующего такую резолюцию, основополагающим принципам права ЕС, включая защиту основных прав человека³⁰. Фактически Суд ЕС осуществил косвенный контроль за резолюцией Совета Безопасности, установив, что имплементация данной резолюции не освобождает органы ЕС от соблюдения базовых принципов права ЕС.

На национальном уровне подходы к вопросу о возможности судебного контроля за актами международных организаций существенно различаются. Так, французский Государственный совет в решении по делу *Chambre Syndicale des Transports Aériens* 1994 г. установил, что французские административные суды не компетент-

ны оценивать правовое обоснование решений, принятых международным органом³¹. С другой стороны, Верховный суд Дании в решении по делу *Carlsen et al. v. Rasmussen* 1998 г. подтвердил право датских судов определять, превышает ли акт законодательства ЕС пределы передачи суверенитета, связанные с вступлением Дании в ЕС³².

Важный аспект проблемы юридической действительности актов международных организаций — вопрос о последствиях недействительности. В доктрине международного права выделяются различные варианты таких последствий: недействительность *ab initio* (с момента принятия акта), недействительность *ex nunc* (с момента установления недействительности), частичная недействительность (если только часть акта затронута дефектом) и др. При этом существенное значение имеет доктрина последующего одобрения (*acquiescence*), согласно которой даже акты, принятые *ultra vires*, могут быть впоследствии легитимизированы через явное или молчаливое одобрение государствами-членами³³.

Тенденции и перспективы развития правотворческой деятельности международных организаций

Анализ современного состояния правотворческой деятельности международных организаций позволяет выявить ряд существенных тенденций, определяющих векторы развития данного феномена в условиях трансформации системы международных отношений и международного права.

Первая фундаментальная тенденция — диверсификация форм и методов международного нормотворчества. Классическая модель, основанная на дихотомии «договор/обычай», всё

²⁸ Certain Expenses of the United Nations (Article 17, Paragraph 2, of the Charter): advisory opinion // ICJ Reports. 1962. P. 151–181.

²⁹ См.: Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г. Акты международной организации *ultravires* и последствия их принятия // Современное право. 2020. № 9. С. 111.

³⁰ Case T-315/01 Yassin Abdullah Kadi v. Council of the European Union & Commission of the European Communities: judgment of 21 September 2005 // European Court Reports. 2005. P. II-3649.

³¹ *Chambre Syndicale des Transports Aériens*: decision of 22 July 1994 // International Law Reports. 1998. Vol. 111. P. 500–509.

³² *Carlsen et al. v. Rasmussen*: decision of 6 April 1998 // URL: <http://www.eu-ophlysningen.dk/upload/application/pdf/938b9f69/dommenu.pdf> (дата обращения: 15.04.2025).

³³ *Kelsen H.* The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London : Routledge, 2018. P. 824.

более дополняется разнообразными формами «мягкого» права и гибридными нормативными конструкциями. Международные организации активно разрабатывают руководящие принципы, кодексы поведения, технические стандарты и другие инструменты, которые, не будучи формально обязательными, оказывают существенное влияние на поведение субъектов международного права. Эта тенденция отражает общую эволюцию международного права в направлении более гибких и адаптивных форм нормативного регулирования, соответствующих динамичному характеру современных международных отношений.

Вторая значимая тенденция — усиление роли технократических элементов в международном нормотворчестве. Возрастающие сложность и техническая насыщенность регулируемых отношений приводят к тому, что всё большую роль в разработке международных стандартов играют экспертные сообщества и специализированные органы международных организаций, обладающие соответствующими компетенциями. Это способствует повышению качества и эффективности нормативных инструментов, но одновременно создает риски «демократического дефицита» и снижения прозрачности нормотворческого процесса³⁴.

Третья тенденция — усиление взаимодействия и взаимопроникновения различных нормативных режимов, создаваемых международными организациями. Вместо изолированных «нормативных островов» формируются комплексные регуляторные системы, в рамках которых акты различных международных организаций взаимодействуют и дополняют друг друга. Примером такого взаимодействия является использование стандартов Кодекса Алиментариус (разработанных в рамках совместной программы ФАО и ВОЗ) при применении Соглашения ВТО по санитарным и фитосанитарным мерам. Этот феномен отражает общую тенденцию к формированию более интегрированной и когерентной системы глобального управления³⁵.

Четвертая тенденция — усиление роли региональных международных организаций в международном нормотворчестве. В усло-

виях кризиса многосторонности и стагнации нормотворческих процессов на универсальном уровне именно региональные организации демонстрируют наибольший динамизм в разработке и принятии нормативных инструментов. Европейский Союз, АСЕАН, Африканский союз и другие региональные объединения формируют собственные правовые режимы, которые могут как дополнять универсальные нормы, так и выступать в качестве альтернативных моделей регулирования.

Пятая тенденция — усиление элементов неформальности в международном нормотворчестве. Наряду с формализованными процедурами, предусмотренными учредительными документами международных организаций, всё более распространенными становятся неформальные консультации, «зеленые комнаты» (как в ВТО), мини-министерские встречи и другие неформальные форматы, в рамках которых фактически происходит согласование будущих нормативных решений. Это отражает общую тенденцию к деформализации международного права, когда формальные источники всё чаще дополняются неформальными нормативными практиками³⁶.

Шестая тенденция — усиление влияния негосударственных акторов на процессы международного нормотворчества. Международные неправительственные организации, бизнес-структуры, профессиональные ассоциации и другие негосударственные субъекты всё активнее участвуют в разработке и продвижении международных стандартов как непосредственно, так и через механизмы взаимодействия с межправительственными организациями. Пример такого влияния — деятельность Международной организации по стандартизации (ISO), объединяющей национальные органы по стандартизации, которая разрабатывает широко применяемые международные стандарты в различных областях.

Наконец, седьмая тенденция — усиление внимания к проблемам легитимности и эффективности международного нормотворчества. Вопросы представительности, транспарентности, участия и подотчетности становятся всё более важными при оценке правотворческой

³⁴ См.: Marzuki P. M. *An Introduction to International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 216.

³⁵ См.: Footer M. E. *An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization*. Leiden : Martinus Nijhoff, 2006. P. 68.

³⁶ См.: *Informal International Lawmaking* / ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 450.

деятельности международных организаций. Это объясняется как расширением сферы международного регулирования, активно затрагивающего внутренние вопросы государств и интересы частных лиц, так и общей устремленностью к демократизации международных отношений и международного права.

Можно прогнозировать дальнейшее развитие и усиление указанных тенденций, что будет способствовать трансформации традиционных взглядов на международное правотворчество и юридическую силу актов международных организаций. При этом ключевым вызовом остается обеспечение баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества на фоне возрастающей сложности и динамичности международных отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд концептуальных выводов о трансформации правотворческой функции международных организаций и соотношении формальной легитимности и фактической эффективности их актов в условиях фрагментации международного права.

Эволюция теоретических подходов к правотворческой деятельности международных организаций отражает общую тенденцию признания за ними более самостоятельной роли в формировании международно-правовых норм. Если договорная аналогия редуцирует акты организаций до аналогов международных договоров, фактически отрицая их самостоятельную правосубъектность, то теория международного законодательства подразумевает противоположный подход, признающий за международными организациями автономную правотворческую функцию. Наиболее сбалансированной, по нашему мнению, является теория делегирования, согласно которой правотворческие полномочия международных организаций происходят из делегирования им соответствующих полномочий государствами-членами.

Типология актов международных организаций демонстрирует значительное многообразие форм и юридических характеристик. Особое значение сегодня приобретают акты рекомендательного характера, которые, не будучи формально обязательными, тем не менее оказывают существенное влияние на поведе-

ние субъектов международного права. Концепция «мягкого» права помогает преодолеть жесткую дихотомию «обязательное/необязательное» при анализе юридических последствий актов международных организаций, подчеркивая, что формальная юридическая сила акта не всегда определяет его фактическую эффективность.

Практика специализированных учреждений ООН и других международных организаций свидетельствует о разнообразии механизмов, обеспечивающих эффективность принимаемых ими актов. Механизмы «принудительной прозрачности» (ИКАО), «молчаливого согласия» (ВОЗ), «давления со стороны коллег» (МОТ) и другие представляют собой инновационные подходы к обеспечению соблюдения международных стандартов без прямого принуждения государств.

Проблема юридической действительности актов международных организаций приобретает особую значимость в свете расширения их нормотворческой деятельности. Доктрина *ultra vires*, предполагающая необходимость ответственности актов международных организаций их учредительным документам, сталкивается с практическими трудностями применения в связи с общим характером формулировок целей и задач организаций, а также отсутствием эффективных механизмов судебного контроля.

Современные тенденции в правотворческой деятельности международных организаций отражают общий процесс трансформации международного права в условиях глобализации и фрагментации. Диверсификация форм нормотворчества, усиление технократических элементов, взаимопроникновение различных нормативных режимов, возрастание роли региональных организаций и негосударственных акторов, деформализация правотворческих процедур и повышенное внимание к вопросам легитимности — всё это говорит о формировании более сложной и многоуровневой системы международного нормотворчества.

Ключевым вызовом в данном контексте становится достижение баланса между эффективностью, легитимностью и гибкостью международного нормотворчества. С одной стороны, глобальные проблемы и вызовы требуют оперативных и эффективных решений, с другой — такие решения должны обладать достаточной легитимностью, уважать суверенные права государств и учитывать интересы всех участников международных отношений.

Дальнейшее развитие правотворческой функции международных организаций, вероятно, будет характеризоваться продолжением процессов диверсификации и деформализации, поиском новых механизмов обеспечения

легитимности принимаемых решений, а также усилением взаимодействия между различными нормативными режимами с целью преодоления эффектов фрагментации международного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов международной конференции ESIL // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2022. № 2. С. 517–533.

Велижанина М. Ю. «Мягкое» право: его сущность и роль в регулировании международных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

Кешнер М. В. Комитеты по санкциям Совета Безопасности ООН как институциональный механизм реализации международных санкций // Международное право и международные организации. 2013. № 1 (13). С. 23–28.

Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г. Акты международной организации *ultra vires* и последствия их принятия // Советский ежегодник международного права. 1988. М., 1989. С. 108–114.

Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М. : Международные отношения, 1981. 144 с.

Международное право. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 261 с.

Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1974. 332 с.

Тункин Г. И., Шестаков Л. Н. Теория международного права : монография. М. : Зерцало-М, 2016. 416 с.

Alasuutari P., Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York : Palgrave Macmillan, 2019. 237 p.

Alvarez J. E. International Organizations as Law-makers. Oxford : Oxford University Press, 2006. 720 p.

Asamoah O. Y. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague : Martinus Nijhoff, 1966. 276 p.

Buergenthal T. Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York : Syracuse University Press, 1969. 247 p.

Chayes A., Chayes A. H. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Cambridge : Harvard University Press, 1995. 416 p.

Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: «Instant» International Customary Law? // International Law: Teaching and Practice / ed. by B. Cheng. London : Stevens & Sons, 1982. P. 237–262.

Danilenko G. M. Law-Making in the International Community. Dordrecht : Martinus Nijhoff, 1994. 448 p.

Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm : Norstedt and Söner, 1965. 853 p.

Elias T. O. Modern Sources of International Law // Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup / ed. by W. Friedmann [et al.]. New York : Columbia University Press, 1972. P. 34–69.

Footer M. E. An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization. Leiden : Martinus Nijhoff, 2006. 391 p.

Informal International Lawmaking / ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford : Oxford University Press, 2012. 549 p.

Kelsen H. The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London : Routledge, 2018. 994 p.

Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 424 p.

Klabbers J. International Law. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 374 p.

Klabbers J. Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO // China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work / ed. by U. Liukkunen, Y. Chen. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2014. P. 181–196.

- Lauterpacht E.* The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations // Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair / ed. by D. W. Bowett [et al.]. London : Stevens & Sons, 1965. P. 88–121.
- Marzuki P. M.* An Introduction to International Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 348 p.
- Schermers H. G., Blokker N. M.* International Institutional Law. 6th ed. Leiden : Brill Nijhoff, 2018. 1444 p.
- Seidl-Hohenveldern I.* International Economic «Soft Law» // Recueil des Cours. 1979. Vol. 163. P. 165–246.
- Tammes A. J. P.* Decisions of International Organs as a Source of International Law // Recueil des Cours. 1958. Vol. 94. P. 265–363.
- Van Hoof G. J. H.* Rethinking the Sources of International Law. Deventer : Kluwer Law International, 1983. 322 p.

REFERENCES

- Abashidze AKh, Gulyaeva EE, Trikoz EN. The technique and practice of international rulemaking: An overview of the materials of the international ESIL Conference. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2022;2:517-533. (In Russ.).
- Alasuutari P, Qadir A. Epistemic Governance: Social Change in the Modern World. New York: Palgrave Macmillan; 2019.
- Alvarez JE. International Organizations as Law-makers. Oxford: Oxford University Press; 2006.
- Asamoah OY. The Legal Significance of the Declarations of the General Assembly of the United Nations. The Hague: Martinus Nijhoff; 1966.
- Buergenthal T. Law-Making in the International Civil Aviation Organization. New York: Syracuse University Press; 1969.
- Chayes A, Chayes AH. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Cambridge: Harvard University Press; 1995.
- Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: «Instant» International Customary Law? *International Law: Teaching and Practice*. Cheng B, (ed.). London: Stevens & Sons; 1982. P. 237–262.
- Danilenko GM. Law-Making in the International Community. Dordrecht: Martinus Nijhoff; 1994.
- Detter I. Law Making by International Organisations. Stockholm: Norstedt and Söner; 1965.
- Elias TO. Modern Sources of International Law. *Transnational Law in a Changing Society: Essays in Honor of Philip C. Jessup*. Friedmann W, et al. (eds.). New York: Oxford University press; 1972. P. 34–69.
- Footer ME. An Institutional and Normative Analysis of the World Trade Organization. Leiden: Martinus Nijhoff; 2006.
- Kapustin AYa, (ed.). International law. General part: A textbook for Bachelor academic programs. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurait Publ.; 2025. (In Russ.).
- Kelsen H. The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems. London: Routledge; 2018.
- Keshner MV. The UN Security Council Sanctions Committees as an institutional mechanism for the implementation of international sanctions. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii*. 2013;1(13):23-28. (In Russ.).
- Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2015.
- Klabbers J. International Law. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2020.
- Klabbers J. Marginalized International Organizations: Three Hypotheses Concerning the ILO. In: Liukkunen U, Chen Y, (eds.). *China and ILO Fundamental Principles and Rights at Work*. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International; 2014. P. 181–196.
- Krylov NB, Shinkaretskaya GG. Acts of the international organization ultra vires and the consequences of their adoption. *Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. 1988. Moscow; 1989. P. 108–114. (In Russ.).
- Lauterpacht E. The Legal Effect of Illegal Acts of International Organisations. In: Bowett DW, et al. (eds.). *Cambridge Essays in International Law: Essays in Honour of Lord McNair*. London: Stevens & Sons; 1965. P. 88–121.
- Levin DB. International law, foreign policy and diplomacy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1981. (In Russ.).
- Marzuki PM. An Introduction to International Law. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
- Morozov GI. International organizations. Some questions of theory. 2nd ed., suppl. Moscow: Mysl Publ.; 1974. (In Russ.).

- Pauwelyn J, Wessel R, Wouters J. Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press; 2012.
- Schermers HG, Blokker NM. International Institutional Law. 6th ed. Leiden: Brill Nijhoff; 2018.
- Seidl-Hohenveldern I. International Economic «Soft Law». *Recueil des Cours*. 1979;163:165-246.
- Tammes AJP. Decisions of International Organs as a Source of International Law. *Recueil des Cours*. 1958;94:265-363.
- Tunkin GI, Shestakov LN. Theory of international law: A monograph. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2016. (In Russ.).
- Van Hoof GH. Rethinking the Sources of International Law. Deventer: Kluwer Law International; 1983.
- Velizhanina MYu. «Soft» law: Its essence and role in the regulation of international relations. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чувахин Петр Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 69, Новочеремушкинская ул., г. Москва 117418, Российская Федерация
chuvakhin.petr@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petr I. Chuvakhin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Regulation, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
chuvakhin.petr@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 19 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 23 мая 2025 г.
Принята к печати 15 июня 2026 г.*

*Received 19.04.2025.
Revised 23.05.2025.
Accepted 15.06.2026.*